

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СТИХИ



Роберт Иванович Рождественский (1932 - 1994) (настоящая фамилия — Петкевич) - русский поэт, публицист. Родился 20 июня 1932 г. в селе Косиха — районном центре на Алтае. В июле 1941-го в «Омской правде» появилось небольшое стихотворение, написанное школьником — Робертом Петкевичем. Свой первый — девяти рублевый гонорар Роберт перечислил в Фонд обороны. Его военное детство мало чем отличалось оттого, что испытывали его ровесники — мальчишки и девчонки той поры: голод, холод, ожидание писем с фронта, страх за родителей. Летом 45-го приехали родители — мать и отчим — и увезли его с собой. Роберт был усыновлен офицером, у него появился отец, которого он сразу полюбил. Семье часто приходилось переезжать с места на место. Сначала это был Кенигсберг, потом Каунас, затем Таганрог, потом Вена. Заканчивать школьное обучение Роберту пришлось в Ленинграде. Он мечтал о Московском Литературном институте. И в 1951 году его мечта осуществилась — он первокурсник Литинститута. Тогда здесь учились Евгений Евтушенко, Расул Гамзатов, Григорий Бакланов, Владимир Соколов. Здесь в 1953 году, Роберт встретил свою первую и единственную любовь, Аллу Кирееву, будущую жену. Ему было 21 год, а Алле 20. Первая книга стихов Рождественского «Флаги весны» вышла в 1955 году в Петрозаводске, а через год в Москве был издан второй сборник «Испытание». Всего их насчитывается более семидесяти. Роберт Иванович Рождественский (1932 - 1994) (настоящая фамилия — Петкевич) - русский поэт, публицист. Заканчивать школьное обучение Роберту пришлось в Ленинграде. Он мечтал о Московском Литературном институте. И в 1951 году его мечта осуществилась — он первокурсник Литинститута. Молодой поэт сразу же окунулся в атмосферу литературных споров, коридорных дискуссий, дружеских застолий. В 1993 году Роберт Иванович «письмо 42-х», адресованное Борису Ельцину. Авторы письма требуют запретить коммунистические и националистические партии, оппозиционные демократическому курсу. Будучи тяжело больным, уединившись в Переделкине, поэт создал лучшую свою лирику, которая впоследствии и составила редкий по своей пронзительности и жизнелюбию сборник «Последние стихи Роберта Рождественского», который был опубликован уже после его смерти. Умер Роберт Рождественский от инфаркта 19 августа 1994 года.

БАЛЛАДА О КРАСКАХ

Был он рыжим,
как из рыжиков рагу.
Рыжим,
словно апельсины на снегу.
Мать шутила,
мать веселою была:
«Я от солнышка сыночка родила...»
А другой был чёрным-чёрным у неё.
Чёрным,
будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она,
говорила:
«Слишком ночь была черна!..»
В сорок первом,
в сорок памятном году
прокричали репродукторы беду.
Оба сына, оба-двое, соль Земли —
поклонились маме в пояс.
И ушли.
Довелось в бою почуять молодым
рыжий бешеный огонь
и черный дым,
злую зелень застоявшихся полей,
серый цвет прифронтовых госпиталей.
Оба сына, оба-двое, два крыла,
воевали до победы.
Мать ждала.
Не гневилась,
не кляла она судьбу.
Похоронка
обошла её избу.
Повезло ей.
Привалило счастье вдруг.
Повезло одной на три села вокруг.
Повезло ей.
Повезло ей!
Повезло!—
Оба сына
воротились в село.
Оба сына.
Оба-двое.
Плоть и стать.
Золотистых орденов не сосчитать.

Сыновья сидят рядком — к плечу плечо.
Ноги целы, руки целы — что еще?
Пьют зеленое вино, как повелось...
У обоих изменился цвет волос.
Стали волосы —
 смертельной белизны!
Видно, много
белой краски
у войны.
1972

БЕГ

Бежала,
 как по воздуху.
С лицом,
как май, заплаканным.
И пляшущие волосы
казались рыжим пламенем.
И только дыма не было,
но шла волна горячая...
Она бежала —
нежная,
открытая,
парящая!
Звенела,
 будто денежка,
сама себя нашедшая...
Не сознавая,
 девочка
бежала в званье женщины.
Так убегают узники.
Летят в метро болельщики.

И был бюстгальтер узенький,
как финишная ленточка.

БОГИНИ

Василию Аксенову

Давай покинем этот дом,

давай покинем, -
нелепый дом,
набитый скукою и чадом.
Давай уйдем
 к своим домашним богиням,
к своим уютным богиням,
 к своим ворчащим...
Они, наверно, ждут нас?
 Ждут.
 Как ты думаешь?
Заварен чай,
 крепкий чай.
 Не чай - а деготь!
Горят цветные светляки на низких тумбочках,
от проносящихся машин
 дрожат стекла...
Давай пойдем, дружище!
Из-за стола встанем.
Пойдем к богиням,
 к нашим судьям бессонным,
Где нам обоим
 приговор
 уже составлен.
По меньшей мере мы приговорены
к ссоре...
Богини сидят,
 в немую тьму глаза тараща.
И в то,
 что живы мы с тобою,
верят слабо...
Они ревнивы так,
 что это даже страшно.
Так подозрительны,
 что это очень странно.
Они придумывают
 разные разности,
они нас любят
горячо и неудобно.
Они всегда считают
 самой высшей радостью
те дни, когда мы дома.
Просто дома...
Москва ночная спит
 и дышит глубоко.
Москва ночная

до зари ни с кем не спорит...

Идут к богиням
 два не очень трезвых
 бога,
Желают боги одного:
быть
 собою.

* * *

Будем горевать
 в стол.
Душу открывать
 в стол.
Будем рисовать
 в стол.
Даже танцевать —
 в стол.
Будем голосить
 в стол.
Злиться и грозить —
 в стол!
Будем сочинять
 в стол...
И слышать из стола
 стон.

* * *

Будь, пожалуйста,
 послабее.
Будь,
пожалуйста.
И тогда подарю тебе я
чудо
 запросто.
И тогда я вымахну -
 вырасту,
стану особенным.
Из горящего дома вынесу

тебя,
сонную.
Я решусь на все неизвестное,
на все безрассудное -
в море брошусь,
 густое,
 зловещее,
и спасу тебя!..
Это будет сердцем велено мне,
сердцем
 велено...
Но ведь ты же
сильнее меня,
 сильней
и уверенней!
Ты сама
 готова спасти других
от уныния тяжкого,
ты сама не боишься
 ни свиста пурги,
ни огня хрустящего.
Не заблудишься,
 не утонешь,
зла
не накопишь
Не заплачешь
 и не застонешь,
если захочешь.
Станешь плавной
 и станешь ветреной,
если захочешь...
Мне с тобою -
такой уверенной -
трудно
 очень.
Хоть нарочно,
 хоть на мгновенье -
я прошу,
 робея,-
помоги мне
в себя поверить,
стань
 слабее.

1962

* * *

В поисках счастья, работы, гражданства
странный обычай

в России возник:

детям

у нас надоело рождаться,-
верят, что мы проживем
и без них.

* * *

А. Пахмутовой

Вроде просто:

найти и расставить слова.

Жаль, что это все реже.

И все большей...

Вновь бумага лежит —

ни жива, ни мертва —

будто знает,

что ты прикоснешься к ней.

Но ведь где-то есть он,

в конце концов,

тот —

единственный,

необъяснимый тот —

гениальный порядок

привычных нот,

гениальный порядок

обычных слов.

* * *

Гитара ахала,

подрагивала,

тенькала,

звала негромко,

переспрашивала,

просила.

И эрудиты головой кивали:

«Техника!..»

Неэрудиты выражались проще:

«Сила!..»

А я надоедал:

«Играй, играй, наигрывай!

Играй, что хочешь.

Что угодно.

Что попало».

Из тучи вылупился дождь

такой наивный,

как будто в мире до него

дождей

не падало...

Играй, играй!..

Деревья тонут в странном лепете...

Играй, наигрывай!..

Оставь глаза открытыми.

На дальней речке

стартовали гуси-лебеди —

и вот, смотри, летят,

летят и машут крыльями...

Играй, играй!..

Сейчас в большом

нелегком городе

есть женщина

высокая, надменная.

Она, наверное,

перебирает горести,

как ты перебираешь струны.

Медленно...

Она все просит

написать ей что-то нежное.

А если я в ответ смеюсь —

не обижается.

Сейчас выходит за порог.

А рядом —

нет меня.

Я очень без нее устал.

Играй, пожалуйста.

Гитара ахала.

Брала аккорды трудные,

она грозила непонятною истомою.

И все,

Шатаясь и бурля, как брага на пиру,
горбуша в сентябре

идет метать икру...

Белесый водопад вскипает, будто пунш,
когда в тугой струе —
торпедины горбуш.

И дальше —

по камням.

На брюхе —

через мель!

Зарыть в песок икру.

И смерть принять взамен.

Пришла ее пора,

настал ее черед...

Здесь даже не река,

здесь малый ручеек.

В него трудней попасть,

чем ниткою — в иглу...

Горбуша в сентябре идет метать икру!

Потом она лежит —

дождейкой на стекле...

Я буду кочевать по голубой земле.

Валяться на траве,

пить бесноватый квас.

Но в свой последний день,

в непостижимый час,

ноздрями ощутив

последнюю грозу,

к порогу твоему

приду я,

приползу,

приникну,

припаду,

колени в кровь сотру...

Горбуша в сентябре

идет метать икру.

ГОРОДА

Л. Карпинскому

Города, начинающиеся с вокзалов...
Есть у каждого города
возраст и голос.
Есть одежда своя.
И особенный запах.
И лицо,
И не сразу понятная
гордость...

Города, города!
Сколько было вас —
разных?!
Деревянные,
 каменные,
 глинобитные,
будто гвозди,
в промерзшую землю
 забитые,
города, где любовь.
И работа.
И праздник...

Сколько раз, города,
вы
бежали навстречу,
задирая над нами
кулаки семафоров?..

Становился все ближе,
различался все резче
и домов
 и заборов запутанный ворох —

Города,
озорные и полные грусти...
Сколько раз
 к запыленным вагонам несли вы
папиросы и яблоки,
рыбу и грузди,
крутобокие дыни,
размякшие сливы!

Пиво в кружках тяжелых
и пиво
 навынос...
...А вокзал,
как пальто для мальчишки,—
 на вырост!

Так и кажется:
он из грядущего года,
из грядущего года,
не от этого
 города!..
Отправленье.
Под самые тучи запущен
паровозный гудок.
И, рванувшись на запад,
остаются в прошлом
остаются
 в будущем
города,
начинающиеся с вокзалов.
1960

* * *

Гром прогрохотал незрячий.
Ливень ринулся с небес...
Был я молодым,
 горячим,
без оглядки в драку
лез!..
А сейчас прошло геройство,-
видимо, не те года...

А теперь я долго,
 просто
жду мгновения, когда
так: не с ходу и не с маху,—
утешеньем за грехи,—
тихо
 лягут на бумагу
беззащитные
стихи.

снегопад и зной,
село Косиха, Сахалин и Волга.
Живет во мне,
 смеется надо мной
Немыслимая необъятность долга!
Ждет каждая секунда.
 Ждут года.
Озера, полные целебной влаги.
Мелькнувшие, как вспышка, города.
Победные
и траурные флаги.
Медовый цвет клокочущей ухи.
Моей Москвы
всесильные зарницы.
И те стихи,
 те — главные — стихи,
которые лишь начинают сниться.

И снова полночь душу холодит.
И карандаш с бессонницею спорит.
И женщина
в глаза мои глядит.
(Я столько должен ей,
 что страшно вспомнить!)
— Плати долги!..
Плати долги, чудак!..
Давай начистоту
 судьбу продолжим...

Плачу.
Но каждый раз выходит так:
чем больше отдаешь,
тем больше должен.

ДОЧКЕ

Катька, Катышок, Катюха -
тоненькие пальчики.
Слушай,
 человек-два-уха,
излиянья
папины.
Я хочу,
 чтобы тебе

не казалось тайной,
почему отец
теперь
стал сентиментальным.
Чтобы все ты поняла -
не сейчас, так позже.
У тебя
свои дела
и свои заботы.
Занята ты долгий день
сном,
едою,
санками.
Там у вас,
в стране детей,
происходит всякое.
Там у вас,
в стране детей -
мощной и внушительной,-
много всяческих затей,
много разных жителей.
Есть такие -
отойди
и постой в сторонке.
Есть у вас
свои вожди
и свои пророки.
Есть -
совсем как у больших -
ябеды и нытики...
Парк
бесчисленных машин
выстроен по нитке.
Происходят там и тут
обсужденья грозные:
"Что
на третье
дадут:
компот
или мороженое?"
"Что нарисовал сосед?"
"Елку где поставят?.."
Хорошо, что вам газет -
взрослых -
не читают!..

Смотрите,
остановясь,
на крутую радугу...
Хорошо,
что не для вас
нервный голос радио!
Ожиданье новостей
страшных
и громадных...
Там у вас, в стране детей,
жизнь идет нормально.
Там -
ни слова про войну.
Там о ней -
ни слуха...

Я хочу
в твою страну,
человек-два-уха!

* * *

Дружище, поспеши.
Пока округа спит,
сними
нагар с души,
нагар пустых обид.

Страшась никчемных фраз,
на мотылек свечи,
как будто в первый раз,
взгляни
и промолчи...

Придет заря,
шепча.
Но -
что ни говори -
бывает, что свеча
горит
светлей зари.

ЖИЗНЬ

Г. П. Гроденскому

Живу, как хочу,-
светло и легко.
Живу, как лечу,-
высоко-высоко.
Пусть небу
 смешно,
но отныне
ни дня
не будет оно
краснеть за меня...
Что может быть лучше -
собрать облака
и выкрутить тучу
над жаром
 песка!
Свежо и громадно
поспорить с зарей!
Ворочать громами
над черной землей.
Раскидистым молниям
душу
 открыть,
над миром,
над морем
раздольно
 парить!
Я зла не имею.
Я сердцу не лгу.
Живу, как умею.
Живу, как могу.
Живу, как лечу.
Умру,
 как споткнусь.
Земле прокричу:
"Я ливнем
вернусь!"

* * *

За тобой
 через года
иду,
не колеблясь.
Если ты —
 провода,
я —
 троллейбус.
Ухвачусь за провода
руками долгими,
буду жить
 всегда-всегда
твоими токами.
Слышу я:
«Откажись!
Пойми
 разумом:
неужели это жизнь —
быть привязанным?!
Неужели в этом есть
своя логика?!
Ой, гляди —
 надоест!
Будет плохо».
Ладно!
Пусть свое
 гнут —
врут расцвеченно.
С ними я
 на пять минут,
с тобой —
вечно!
Ты —
 мой ветер и цепи,
сила и слабость.
Мне в тебе,
будто в церкви,
страшно и сладко.
Ты —
 неоткрытые моря,
мысли тайные.
Ты —
 дорога моя,

давняя,
дальняя.
Вдруг —
ведешь меня
в леса!
Вдруг —
в Сахары!
Вот бросаешь,
тряся,
на ухабы!
Как ребенок, смешишь.
Злишь, как пытка...

Интересно мне
жить.
Любопытно!
1962

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Мы в зале ожидания
живем.
Любой из нас
все время ждет чего-то...

Начальника
у дома ждет шофер,
поигрывая
ключиком от «Волги»...
Вот аккуратный старичок в пенсне.
Он ждет.
Он едет в Вологду
за песнями.

Старуха,
что-то бормоча о пенсии,
блаженно
улыбается во сне...

Седеющего мужа
ждет
жена...

Девчонка ждет любви.
Ей очень боязно.
А на девчонку
смотрит старшина —

и у него есть целый час
до поезда...
Ждет поворота лоцман —
скоро
 мель.
Учитель ждет
 решения примеров.
Ребята
 ожидают
 перемены.
Колхозы
ожидают
перемен.
Разбуженная,
ждушая страна
и целый мир,
застывший в ожидании...

За нами —
 штормовая тишина!
За нами —
 нашей силы
 нарастание!
Мы ждем открытий.
Мы друзей зовем.
Друг другу говорим
 слова несладкие..
Мы
в зале ожидания
 живем!
Но руки
в ожидании
не складываем!
1963

* * *

Алене

Знаешь,
я хочу, чтоб каждое слово
этого утреннего стихотворенья
вдруг потянулось к рукам твоим,
 словно

соскучившаяся ветка сирени.
Знаешь,
я хочу, чтоб каждая строчка,
неожиданно вырвавшись из размера
и всю строфу
разрывая в клочья,
отозваться в сердце твоём сумела.
Знаешь,
я хочу, чтоб каждая буква
глядела бы на тебя влюбленно.
И была бы заполнена солнцем,
 будто
капля росы на ладони клена.
Знаешь,
я хочу, чтоб февральская выюга
покорно у ног твоих распласталась.

И хочу,
чтобы мы любили друг друга
столько,
сколько нам жить осталось.

ЛЮДЯМ, ЧЬИХ ФАМИЛИИ Я НЕ ЗНАЮ

По утрам
 на планете мирной
голубая трава
в росе...

Я не знаю ваших фамилий,—
знаю то,
что известно всем:
бесконечно дышит вселенная,
мчат ракеты,
как сгустки солнца.
Это —
 ваши мечты и прозрения
Ваши знания.
Ваши бессонницы.
Знают только,
 что где-то
 ретиво,
в предвкушенье военного грома,

зря
от тяжести реактивной
прогибаются аэродромы!
Не рискнут они.
Не решатся.
Вашей силы
они страшатся.
Называют вас просто:
«атомщики»,
именуют скромно
«ракетчиками»...

Дорогие наши товарищи,
лишь известностью
не обеспеченные.
Вам даются награды
негласно.
Рядом с нами вы.
И не с нами.
Мы
фамилий ваших
не знаем,
только вы и на это
согласны.
От чужого укрыты взгляда,
от любого укрыты взгляда,—
ничего не поделаешь —
надо.
Ничего не напишешь —
надо.
О, суровая правда века!..
Люди в чьих-то штабах
упрямы.
Составляет чья-то разведка
далеко идущие планы
и купюры
крупные
стелет...
Только что вам
до этих денег!
Вы бы даром
светло и доверчиво,—
если б дело пошло
на это,—
положили б

к ногам Человечества
все до капельки
 сверхсекреты!
Сколько б вы напридумали разного!
Очень нужного
 и удивительного!
Вы-то знаете, что для разума
никаких границ
не предвидено.
Как бы людям легко дышалось!
Как бы людям светло любилось!
И какие бы мысли
бились
в полушарьях
земного шара!..
Но пока что над миром веет
чуть смягчающееся
недоверье.
Но пока
 дипломаты высокие
сочиняют послания
мягкие,—
до поры до времени
все-таки
остаетесь вы
безымянными.
Безымянными.
Нелюдимыми.
Гениальными невидимками...

Каждый школьник в грядущем мире
вашей жизнью
 хвастаться будет...
Низкий-низкий поклон вам,
 люди.

Вам,
 великие.
Без фамилий.
1960

МАРК ШАГАЛ

Он стар и похож на свое одиночество.
Ему рассуждать о погоде не хочется.

Он сразу с вопроса:
«— А Вы не из Витебска?..»—
Пиджак старомодный на лацканах вытерся...
«—Нет, я не из Витебска...»—
Долгая пауза.
А после — слова
 монотонно и пасмурно:
«— Тружусь и хвораю...
В Венеции выставка...
Так Вы не из Витебска?..»
«— Нет, не из Витебска...»

Он в сторону смотрит.
Не слышит, не слышит.
Какой-то нездешней далекостью дышит,
пытаясь до детства дотронуться бережно...
И нету ни Канн,
 ни Лазурного берега,
ни нынешней славы...
Светло и растерянно
он тянется к Витебску, словно растение...
Тот Витебск его —
 пропыленный и жаркий —
приколот к земле каланчою пожарной.
Там свадьбы и смерти, моления и ярмарки.
Там зреют особенно крупные яблоки,
и сонный извозчик по площади катит...

«— А Вы не из Витебска?..».
Он замолкает.
И вдруг произносит,
 как самое-самое,
названия улиц:
Смоленская,
Замковая.
Как Волгою, хвастает Видьбой-рекою
и машет
по-детски прозрачной рукою...
«— Так Вы не из Витебска...»
Надо прощаться.
Прощаться.
Скорее домой возвращаться...
Деревья стоят вдоль дороги навтыяжку.
Темнеет...

И жалко, что я не из Витебска.

МГНОВЕНИЯ

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное,-
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
 мгновения,
 мгновения.

У каждого мгновенья свой резон,
свои колокола,
 своя отметина,
Мгновенья раздают - кому позор,
кому бесславье, а кому бессмертие.
Мгновения спрессованы в года,
Мгновения спрессованы в столетия.
И я не понимаю иногда,
где первое мгновенье,
 где последнее.

Из крохотных мгновений соткан дождь.
Течет с небес вода обыкновенная.
И ты, порой, почти полжизни ждешь,
когда оно придет, твое мгновение.
Придет оно, большое, как глоток,
глоток воды во время зноя летнего.
А в общем,
надо просто помнить долг
от первого мгновенья
 до последнего.

Не думай о секундах свысока.
Наступит время, сам поймешь, наверное,-
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
 мгновения,
 мгновения.

* * *

Мир,
состоящий из зла
и счастья,
из родильных домов
и кладбищ...
Ему я
каждое утро кланяюсь,
вчерашнюю грязь
с ботинок
счищая.
То — как задачник
для третьего класса,
то — как чертеж
грядущих домин,
терпкий
невежливый,
громогласный,—
он навсегда мне знаком —
этот мир.
В нем
на окраинных улочках пусто.
В очередях —
разговоры нелегкие.
В нем у лотков
выбирают арбузы,
их, как детей,
ладонью
пошлепывая!
Мир мне привычен,
как слово
«здравствуйте».
И ожидаем,
как новоселье...
Я выхожу
и себя разбрасываю,
раскидываю,
рассеиваю!
Весь выворачиваюсь,
как карманы,
чтоб завтра
сначала все
повторить...
Мира мне

так бесконечно мало,
что лучше об этом
не говорить!

* * *

Может быть, все-таки мне повезло,
если я видел время запутанное,
время запуганное,
время беспутное,
которое то мчалось,
то шло.
А люди шагали за ним по пятам.
Поэтому я его хаять не буду...

Все мы —
гарнир к основному блюду,
которое жарится где-то
Там.

* * *

Алене

Мы совпали с тобой,
совпали
в день, запомнившийся навсегда.
Как слова совпадают с губами.
С пересохшим горлом —
вода.
Мы совпали, как птицы с небом.
Как земля
с долгожданным снегом
совпадает в начале зимы,
так с тобою
совпали мы.
Мы совпали,
еще не зная
ничего
о зле и добре.

И навечно
совпало с нами
это время в календаре.

НА ДРЕЙФУЮЩЕМ ПРОСПЕКТЕ ТЫ ЖИВЕШЬ...

Мне гидролог говорит:

- Смотри!

Глубина

сто девяносто три!-

Ох, и надоела мне одна
не меняющаяся глубина!..

В этом деле я не новичок,

но волнение мое пойми -

надо двигаться вперед,

а мы

крутимся на месте,

как волчок.

Две недели,

с самых холодов

путь такой -

ни сердцу, ни уму...

Кто заведует

движеньем льдов?

Все остановил он почему?

Может, по ошибке,

не со зла?

Может, мысль к нему в башку пришла,

что, мол, при дальнейшем продвижении

расползется все сооружение?

С выводом он явно поспешил -

восхитился нами

и решил

пожалеть,

отправить на покой.

Не желаю

жалости такой!

Не желаю,

обретя уют,

слушать,

как о нас передают:

"Люди вдохновенного труда!"

Понимаешь,
мне обидно все ж...

Я гидрологу сказал тогда:
- На Дрейфующем проспекте
ты живешь.

Ты же знал,
что дрейф не будет плавным,
знал,
что дело тут дойдет до драки,
потому что
в человечьи планы
вносит Арктика
свои поправки,
то смиряясь,
то вдруг сатанея
так, что не подынешь головы...
Ты же сам учил меня, что с нею
надо разговаривать
на "вы".

Арктика пронизывает шубы
яростным дыханием морозов.
Арктика показывает зубы
ветром исковерканных
торосов.
Может, ей,
старухе,
и охота
насовсем с людьми переругаться,
сделать так,
чтоб наши пароходы
никогда не знали
навигаций,
чтобы самолеты не летали,
чтоб о полюсе мы не мечтали,
сжатые рукою ледяною...
Снова стать
неведомой страной,
сделать так,
чтоб мы ее боялись.

Слишком велика
людская ярость!
Слишком многих
мы недосчитались!
Слишком многие

лежать остались,
за победу
заплатив собою...
В эти разметнувшиеся шири
слишком много мы
труда вложили,
чтоб отдать все то,
что взято с бою!
Невозможно изменить законы,
к прошлому вернуться
хоть на месяц.

Ну, а то, что кружимся на месте,
так ведь это, может,
для разгона...

* * *

На Земле
безжалостно маленькой
жил да был человек маленький.
У него была служба маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату маленькую...
И однажды —
прекрасным утром —
постучалась к нему в окошко
небольшая,
казалось,
война...
Автомат ему выдали маленький.
Сапоги ему выдали маленькие.
Каску выдали маленькую
и маленькую —
по размерам —
шинель.

...А когда он упал —
некрасиво, неправильно,
в атакующем крике вывернув рот,
то на всей земле
не хватило мрамора,
чтобы вырубить парня

в полный рост!
1969

* * *

Наверно, будут глохнуть историки,
копаясь в тоннах
нашей риторики...

Но —

сквозь любую наносную муть,
которая сверху лежит,
они должны понять
(и поймут!),
как мы любили
жить!

Жить!

Ладонями землю трогать.

Жить!

Детей

качать на руках.

Жить!

И чувствовать

друга локоть.

Жить!

И видеть лицо

врага.

* * *

Над головой

созвездия мигают.

И руки сами тянутся

к огню...

Как страшно мне,

что люди привыкают,

открыв глаза,

не удивляться дню.

Существовать.

Не убегать за сказкой.

И уходить,

как в монастырь,

В СТИХИ.

Ловить Жар-птицу
для жаркого
с кашей.
А Золотую рыбку -
для ухи.

1970

* * *

Надо верить в обычное.
Надо рассчитывать
здорово.
У поэтов
с убийцами,
в сущности,
равная слава.
Кто в веках уцелел?
Разберись
в наслоенные мотивы!..
Мы не помним
царей.
Помним:
были Дантес и Мартынов.
Бесшабашные,
нервные,
святые «блюстители долга».
Ну подумаешь,
невидаля:
однажды вспыхнули —
и только!
За могильной оградой
все обвиненья
напрасны...
Пахнут
их
биографии
лишь
типографскою
краской.
Вот они на портретах
с улыбками благопристойными.
Так что цельтесь
в поэтов —

и вы попадете
в историю!

* * *

Нахожусь ли
 в дальних краях,
ненавижу
 или люблю -
от большого,
от главного
 я -
четвертуйте -
не отступлю.
Расстреляйте -
не изменю
флагу
 цвета крови моей...
Эту веру я свято храню
девять тысяч
 нелёгких
 дней.
С первым вздохом,
с первым глотком
материнского молока
эта вера
 со мной.
И пока
я с дорожным ветром
 знаком,
и пока, не сгибаясь,
 хожу
по не ставшей пухом
земле,
и пока я помню о зле,
и пока с друзьями дружу,
и пока не сгорел в огне,
эта вера
 будет
 жива.
Чтоб её уничтожить во мне,
надо сердце убить
сперва.

* * *

Не верю
в принцесс на горошинах.
Верю
в старух на горошинах.
Болезнями огорошенных.
Дремлющих
осторожно...

Они сидят над чаями
возвышенно
и терпеливо,
чувствуя,
как в чулане
дозревает
царство наливок...
Бормочут что-то печальное
и, на шаткий стол опершись,
буквами пишут
печатными
письма —
длиною в жизнь...
Постели им —
не постели.
Лестницы им —
коварны.
Оладьи для них —
толстенны.
А внученьки —
тонковаты...
Кого-то жалея
вечно,
кому-то
вечно мешая,
прозрачны
и человечны,
семят
по земному шару...
Хотят они всем
хорошего.
Нянчат внучат

покорно...

А принцессы
спят
на горошинах.
И даже
очень спокойно.
1965

* * *

Не убий!—
в полумраке
грошковые свечи горят...
Из глубин
возникают слова
и становятся в ряд.
Если боль
и набухли кровавые кисти рябин,
если бой,—
кто услышит твое:
«Не убий..»?

Мы слышны
только самым ближайшим
друзьям и врагам.
Мы смешны,
если вечность
пытаемся бросить к ногам.
Есть предел
у цветка,
у зари
и у сердца в груди.
Мир людей.
И над каждым библейское:
«Не укради!..»
Мир
дрожит,
будто он искупался
в январской воде...
Надо
жить!
У последней черты.
На последней черте.

Думать всласть.
Колесить, как товарный вагон
И не красть.

Разве что —
 У богов.
Огонь.

НЕЛЕТНАЯ ПОГОДА

Нет погоды над Диксоном.
 Есть метель.
Ветер есть.
И снег.
А погоды нет.
Нет погоды над Диксоном третий день.
Третий день подряд
 мы встречаем рассвет
не в полете,
который нам по душе,
не у солнца,
 слепящего яростно,
а в гостинице.
На втором этаже.
Надоевшей.
Осточертевшей уже.
Там, где койки стоят в два яруса.
Там, где тихий бортштурман Леша
снисходительно,
полулежа,
на гитаре играет,
 глядя в окно,
вальс задумчивый
 "Домино".
Там, где бродят летчики по этажу,
там, где я тебе это письмо пишу,
там, где без рассуждений
 почти с утра,-
за три дня,
наверно, в десятый раз,-
начинается "северная" игра -
преферанс.

Там, где дни друг на друга похожи,
там, где нам

ни о чем не спорится...

Ждем погоды мы.

Ждем в прихожей

Северного полюса.

Третий день

погоды над Диксоном нет.

Третий день...

А кажется:

двадцать лет!

Будто нам эта жизнь двадцать лет под стать,

двадцать лет, как забыли мы слово:

летать!

И обидно.

И некого вроде винить.

Телефон в коридоре опять звонит.

Вновь синоптики,

самым святым клянясь,

обещают на завтра

вылет

для нас...

И опять, как в насмешку,

приходит с утра

завтра,

слишком похожее

на вчера.

Улететь -

дело очень не легкое,

потому что погода -

нелетная.

...Самолеты охране поручены.

Самолеты к земле прикручены,

будто очень опасные

звери они,

будто вышли уже

из доверья они.

Будто могут

плюнуть они на людей!

Вздрогнуть!

Воздух наполнить свистом.

И - туда!

Сквозь тучи...

Над Диксоном
третий день погоды нет.
Третий день.
Рисковать
приказами запрещено...

Тихий штурман Леша
глядит в окно.
Тихий штурман
 наигрывает "Домино".
Улететь нельзя все равно
ни намеренно,
ни случайно,
ни начальникам,
ни отчаянным -
 никому.

НЕОБИТАЕМЫЕ ОСТРОВА

Снятся усталым спортсменам рекорды.
Снятся суровым поэтам слова.
Снятся влюбленным
в огромном городе
необитаемые
 острова.

Самые дальние,
самые тайные,
ветру открытые с трех сторон,
необнаруженные,
необитаемые,
принадлежащие тем,
 кто влюблен.

Даже отличник
 очень старательный
их не запомнит со школьной скамьи,—
ведь у влюбленных
своя география!
Ведь у влюбленных
карты
 свои!

Пусть для неверящих
 это в новинку,—
только любовь
предъявила
права.
Верьте:
 не сказка,
верьте:
 не выдумка —
необитаемые острова!..

Все здесь простое,
все самое первое —
ровная,
 медленная река,
тонкие-тонкие,
белые-белые,
длинные-длинные
 облака.
Ветры,
которым под небом не тесно,
птицы,
поющие нараспев,
море,
бессонное, словно сердце,
горы,
уверенные в себе.
Здесь водопады
 литые,
 летающие,
мягкая,
трепетная трава...
Только для любящих
 по-настоящему
эти
великие острова!..
Двое на острове.
Двое на острове.
Двое — и все!..
А над ними —
 гроза.
Двое —
 и небо тысячеверстное.
Двое — и вечность!
И звезды в глаза...

Это не просто.
Это не просто.
Это сложнее любого
 в сто крат...
В городе стихшем
на перекрестках
желтым огнем светофоры горят.
Меркнет
 оранжевый отблеск неона.
Гаснут рекламы,
гуденье прервав...

Тушатся окна,
тушатся окна
в необитаемых
 островах.

* * *

Неправда, что время уходит.
 Это уходим мы.
По неподвижному времени.
 По его протяжным долинам.
Мимо забытых санок посреди сибирской зимы.
Мимо иртышских плесов с ветром неповторимым.
Там, за нашими спинами,—
 мгла с четырех сторон.
И одинокое дерево, согнутое нелепо.
Под невесомыми бомбами —
 заиндеветший перрон.
Руки, не дотянувшиеся до пайкового хлеба.
Там, за нашими спинами,—
 снежная глубина.
Там обожженные плечи деревенеют от боли.
Над затемненным городом
 песня:
 «Вставай, страна-а!..»
«А-а-а-а...» — отдается гулко, будто в пустом соборе.
Мы покидаем прошлое.
 Хрустит песок на зубах.
Ржавый кустарник призрачно топорщится у дороги.
И мы на нем оставляем
 кочья отцовских рубях

и надеваем синтетику, вредную для здоровья.
Идем к черте, за которой —
 недолгие слезы жен.
Осатанелый полдень.
Грома неслышные гулы.
Больницы,
 откуда нас вынесут.
Седенький дирижер.
И тромбонист,
 облизывающий пересохшие губы.
Дорога — в виде спирали.
 Дорога — в виде кольца.
Но —
отобедав картошкой или гречневой кашей —
историю Человечества
 до собственного конца
каждый проходит по времени.
Каждый проходит.
Каждый.
И каждому — поочередно —
 то солнечно, то темно.
Мы измеряем дорогу
 мерой своих аршинов.
Ибо уже установлено кем-то давным-давно:
весь человеческий опыт —
 есть повторенье ошибок...
И мы идем к горизонту.
 Кашляем.
 Рано встаем.
Открываем школы и памятники.
 Звезды и магазины...
Неправда, что мы стареем!
Просто — мы устаем.
И тихо отходим в сторону,
 когда кончаются силы.

НЕРВЫ

В гневе -
 небо.
В постоянном гневе...
Нервы,
 нервы,

каждый час -
на нерве!
Дни
 угарны...
И от дома к дому
Ниагарой
хлещут
 валидолы...
"Что слова?!
Слова теперь -
 как в бочку!
Одна
живем на этой почве!"
Все
 неважно,
если век изломан...

Где серьезность ваша,
старый Лондон?
Где,
 Париж,
твоя былая нега?
Жесткость крыш
и снова -
 нервы,
 нервы!

Над годами -
от Ржева
 и до Рима -
клокотанье
бешеного
 ритма!..

Ты над дочкой
застываешь немо?
Брось,
 чудачка!
Нервы,
 нервы,
 нервы!..

Руки вверх,
медлительность провинций!..
Нервный

век.
Нельзя
остановиться.
Столб, не столб -
спеши
осатанело...
Братцы,
стоп!..
Куда там...
Нервы...
Нервы...

НОКТЮРН

Между мною и тобою — гул небытия,
звездные моря,
тайные моря.
Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Если хочешь, если можешь — вспомни обо мне,
вспомни обо мне,
вспомни обо мне.
Хоть случайно, хоть однажды вспомни обо мне,
долгая любовь моя.

А между мною и тобой — века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им и тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильнее люблю.

Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Я тебе желаю счастья, добрая моя,
долгая любовь моя!

Я к тебе приду на помощь,— только позови,
просто позови,
тихо позови.
Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,

боль моей любви!
Только ты останься прежней — трепетно живи,
солнечно живи,
радостно живи!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи,
счастливо живи всегда.

А между мною и тобой — века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильнее люблю.

Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи.
Счастливо живи всегда.

О РАЗЛУКЕ

Ты ждешь его
теперь,
когда
Вернуть его назад нельзя...
Ты ждешь.
Приходят
поезда,
на грязных
спинах
принося
следы дорожных передряг,
следы стремительных
дождей...
И ты,
наверно, час подряд
толкаешься среди людей.
Зачем его здесь ищешь ты —
в густом водовороте слов,
кошелоков,
ящичков,
узлов,
среди вокзальной

суеты,
среди приехавших
сюда счастливых,
 плачущих навзрыд?..
Ты ждешь.
Приходят поезда.
Гудя,
 приходят поезда...
О нем
никто не говорит.
И вот уже не он,
 а ты,
как будто глянув с
высоты,
все перебрав в
своей душе,
все принимая,
 все терпя,
ждешь,
 чтобы он простил тебя.
А может,
нет его уже...
Ты слишком поздно поняла,
как
он тебе необходим.
Ты поздно поняла,
 что с ним
ты во сто крат сильнее
была...
Такая тяжесть на плечах,
что сердце
 сплющено в
груди...
Вокзал кричит,
 дома кричат:
«Найди его!
Найди!
Найди!»
Нет тяжелее ничего,
но ты стерпи,
но ты снеси.
Найди его!
Найди его.
Прощенья у него
 проси.

* * *

- Отдать тебе любовь?
- Отдай!
- Она в грязи...
- Отдай в грязи!..
- Я погадать хочу...
- Гадай.
- Еще хочу спросить...
- Спроси!..
- Допустим, постучусь...
- Впущу!
- Допустим, позову...
- Пойду!
- А если там беда?
- В беду!
- А если обману?
- Прощу!
- "Спой!"- прикажу тебе..
- Спою!
- Запри для друга дверь...
- Запру!
- Скажу тебе: убей!..
- Убью!
- Скажу тебе: умри!..
- Умру!
- А если захлебнусь?
- Спасу!
- А если будет боль?
- Стерплю!
- А если вдруг - стена?
- Снесу!
- А если - узел?
- Разрублю!
- А если сто узлов?
- И сто!..
- Любовь тебе отдать?
- Любовь!..
- Не будет этого!
- За что?!
- За то, что
не люблю рабов.

1969

ПАМЯТИ МИХАИЛА СВЕТЛОВА

Какие памятники
 ставятся волшебникам?
Из мрамора?
Из бронзы?
Из стекла?..

Довольствуемся
 слабым утешением,
что нас позвали
важные дела.
Так повелось,
 что вечера
 задымлены
и опровергнуть
 ничего нельзя...
При жизни —
рядовые собутыльники.
А после смерти —
лучшие друзья...

Однажды в полдень
 сказку встретить можно.
Не проходи
и запросто присядь.
А сказка
 курит,
пьет коньяк с лимоном
и спрашивает:
 «Как живешь, босяк?..»
И вот уже
сначала жизнь задумана!
Построен за ночь
 город на песке...

Сидит на стуле
добрая
сутулая
романтика
 в усталом пиджачке.
Она и не кончалась —

И ушли,
не испытав
страха.
Так и не научившись
бояться.
Ушли.
Оставили
ветер весенний.
Деревья,
посаженные своими руками.
Ушли.
Оставили
огромную землю,
которой очень нужны
могикане.

ПАРНИ С ПОДНЯТЫМИ ВОРОТНИКАМИ

Парни
с поднятыми воротниками,
в куртках кожаных,
в брюках-джинсах.
Ох, какими словами
вас ругают!
И все время удивляются:
живы?!
О проблеме вашей
спорят журнальчики —
предлагают убеждать,
разъяснять...
Ничего про это дело
вы не знаете.
Да и в общем-то
не хотите
знать...

Равнодушно
меняются
столицы —
я немало повидал их,—
и везде,
посреди любой столицы

вы
 стоите,
будто памятник
обманутой мечте.
Манекенами
 к витринам приникшие,
каждый вечер —
проверяй по часам —
вы уже примелькались всем,
 как нищие.
Что подать вам?
Я не знаю сам.
Завлекают вас
 ковбоями и твистами,—
вам давно уже
поднадоел твист.
Вы
покуриваете,
вы посвистываете,
независимый делаете вид.
Может,
 девочек ждете?
Да навряд ли!
Вон их сколько —
 целые стада.
Ходят около —
юные,
нарядные...
Так чего ж вы ожидаете тогда?!

Я не знаю — почему,
но мне
кажется:
вы попали
 в нечестную
 игру.
Вам история назначила —
каждому —
по свиданию
 на этом углу.
Обещала показать
 самое гордое —
мир
без позолоченного зла!
Наврала,

наговорила
с три короба.
А на эти свиданья
не пришла...
Идиотская,
неумная шутка!
Но история
думает
свое...

И с тех пор
неторопливо и жутко
всё вы ждете,
всё ждете
ее.
Вдруг покажется,
вдруг покается,
вдруг избавит
от запойной тоски!..
Вы стоите на углу,
покачиваясь,
вызывающе подняв воротники...

А она проходит мимо —
история,—
раздавая
трехгрошовые истины...
Вы постойте,
парни.
Постойте!
Может быть,
чего-нибудь
и выстоите.

1960

ПИСЬМО ПРО ДОЖДЬ

Идут
обыденные дожди,
по собственным лужам
скользя.
Как будто они поклялись
идти,-
а клятву нарушить
нельзя...

У тебя не должно быть дождей
никогда.
Пусть они идут
у меня...
А они идут -
слепые дожди.
Ни деревьев нет,
ни травы...

Пожалуйста,
это письмо
порви.
И меня за него
прости.
А впрочем,
дело совсем не в нем.
Просто, трудно терпеть.
Море гудит за моим окном,
как поезд,
идуший к тебе.
1964

ПОДКУПЛЕННЫЙ

*«Все советские писатели подкуплены...»
Так пишут о нас на Западе*

Я действительно подкуплен.
Я подкуплен.

Без остатка.
И во сне.
И наяву.
Уверяют советологи:
«Погублен...»
Улыбаются товарищи:
«Живу!..»

Я подкуплен
ноздреватым льдом кронштадтским.
И акцентом коменданта-латыша.
Я подкуплен
военками гражданской
и свинцовой водою Сиваша...
Я еще подкуплен снегом

белым-белым.
Иртышом
и предвоенной тишиной.
Я подкуплен кровью
 павших в сорок первом.
Каждой каплей.
До единой.
До одной.
А еще подкуплен я костром.
 Случайным,
как в шальной игре десятка при тузе.
Буйством красок Бухары.
 Бакинским чаем.
И спокойными парнями с ЧТЗ...
Подкупала
 вертолетная кабина,
ночь
и кубрика качающийся пол!..
Как-то женщина пришла.
И подкупила.
Подкупила —
чем?—
не знаю
 до сих пор.
Но тогда-то жизнь
 я стал считать по веснам.
Не синицу жду отныне,
а скворца...
Подкупила дочь
 характером стервозным,—
вот уж точно,
что ни в мать
и ни в отца...
Подкупил Расул¹
 насечкой на кинжале.
Клокотанием —
 ангарская струя.
Я подкуплен и Палангой,
и Кижами.
Всем, что знаю.
 И чего не знаю
 я...
Я подкуплен зарождающимся словом,
не разменным пока на пустяки.
Я подкуплен

Маяковским² и Светловым³.
И Землей,
в которой сбудутся стихи!..
И не все еще костры отпыхали.
И судьба еще угадана не вся...
Я подкуплен.
Я подкуплен с потрохами.
И поэтому купить меня
нельзя.
1969

* * *

Помогите мне, стихи!
Так случилось почему-то:
на душе
темно и смутно.
Помогите мне,
стихи.
Слышать больно.
Думать больно.
В этот день и в этот час
я —
не верующий в Бога —
помощи прошу у вас.
Помогите мне,
стихи,
в это самое мгновенье
выдержать,
не впасть в неверье.
Помогите мне,
стихи.
Вы не уходите прочь,
помогите, заклинаю!
Чем?
А я и сам не знаю,
чем вы можете
помочь.
Разделите эту боль,
научите с ней расстаться.

Помогите мне
остаться
до конца

самим собой.
Выплыть.
Встать на берегу,
снова
голос
обретая.
Помогите...

И тогда я
сам
кому-то помогу.

* * *

А. К.

Приходить к тебе,
чтоб снова
просто
вслушиваться в
голос;
и сидеть на стуле,
сгорбясь,
и не говорить ни
слова.
Приходить,
стучаться в двери,
замирая, ждать
ответа...
Если ты узнаешь
это,
то, наверно, не
поверишь,
то, конечно,
захочешь,
скажешь:
"Это ж глупо
очень..."
Скажешь:
"Тоже мне -
влюбленный!"-
и посмотришь
удивленно,

и не усидишь на
месте.
Будет смех звенеть
рекою...

Ну и ладно.
Ну и смейся.
Я люблю тебя
такою.

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

...В Нечерноземье,- согласно прогнозу,-
резко уменьшится снежный покров...
Днем над столицей
местами - грозы.
А на асфальте
местами -
кровь.

* * *

Д. С. Лихачеву

Раскачивается вагон.
Длинный тоннель метро.
Читающий пассажир выклевывает по слову...
Мы пишем на злобу дня
и — на его добро.
Но больше, правда,— на злобу,
на злобу,
на злобу!..
Живем, озираясь вокруг.
Живем, друзей хороня.
Едем, не зная судьбы, и страшно проехать мимо.
Длинный тоннель метро.
Привычная злоба дня...
Ненависть проще любви.
Ненависть объяснима.

РЕКВИЕМ (ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ...)

*Памяти наших отцов и старших
братьев, памяти вечно молодых
солдат и офицеров Советской
Армии, павших на фронтах
Великой Отечественной войны.*

(Поэма)

1

Вечная
слава
героям!
Вечная слава!
Вечная слава!
Вечная
слава
героям!
Слава героям!
Слава!!

...Но зачем она им,
эта слава,—
мертвым?
Для чего она им,
эта слава,—
павшим?
Все живое —
спасшим.
Себя —
не спасшим.
Для чего она им,
эта слава,—
мертвым?..
Если молнии
в тучах заплещутся жарко,
и огромное небо
от грома
оглохнет,
если крикнут
все люди
земного шара,—
ни один из погибших

даже не вздрогнет.

Знаю:

солнце

в пустые глазницы
не брызнет!

Знаю:

песня

тяжелых могил
не откроет!

Но от имени

сердца,

от имени

жизни,

повторяю!

Вечная

Слава

Героям!..

И бессмертные гимны,

прощальные гимны

над бессонной планетой

плывут

величаво...

Пусть

не все герои,—

те,

кто погибли,—

павшим

вечная слава!

Вечная

слава!!

Вспомним всех поименно,

горем

вспомним

своим...

Это нужно —

не мертвым!

Это надо —

живым!

Вспомним

гордо и прямо

погибших в борьбе...

Есть

великое право:

забывать
о себе!
Есть
высокое право:
пожелать
и посметь!..

Стала
вечною славой
мгновенная
смерть!

2

Разве погибнуть
ты нам завещала,
Родина?
Жизнь
обещала,
любовь
обещала,
Родина.

Разве для смерти
рождаются дети,
Родина?
Разве хотела ты
нашей
смерти,
Родина?

Пламя
ударило в небо!—
ты помнишь,
Родина?
Тихо сказала:
«Вставайте
на помощь...»
Родина.
Славы
никто у тебя не выпрашивал,
Родина.
Просто был выбор у каждого:
я
или

Родина.

Самое лучшее
и дорогое —
Родина.
Горе твоё —
это наше
горе,
Родина.

Правда твоё —
это наша
правда,
Родина.
Слава твоё —
это наша
слава,
Родина!

3

Плескалось
багровое знамя,
горели
багровые звезды,
слепая пурга
накрывала
багровый от крови
закат,
и слышалась
поступь
дивизий,
великая поступь
дивизий,
железная поступь
дивизий,
точная
поступь
солдат!
Навстречу раскатам
ревущего грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.
На наших знаменах
начертано

слово:

Победа!
Победа!!
Во имя Отчизны —
 победа!
Во имя живущих —
 победа!
Во имя грядущих —
 победа!
Войну
мы должны сокрушить.
И не было гордости
 выше,
и не было доблести
 выше —
ведь кроме
желания выжить
есть еще
мужество
жить!
Навстречу раскатам
 ревущего грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.
На наших знаменах
 начертано слово
Победа!
Победа!!

4

Черный камень,
черный камень,
что ж молчишь ты,
черный камень?

Разве ты
 хотел такого?
Разве ты
 мечтал когда-то
стать надгробьем
для могилы
Неизвестного
 солдата?
Черный камень.

Что ж молчишь ты,
черный камень?..

Мы в горах
тебя
искали.

Скалы
тяжкие
дробили.
Поезда в ночах
трубили.
Мастера в ночах
не спали,
чтобы
умными руками
чтобы
собственную
кровью
превратить
обычный камень
в молчаливое
надгробье...

Разве камни
виноваты
в том,
что где-то
под землю
слишком долго
спят солдаты?
Безымянные
солдаты.
Неизвестные
солдаты...

А над ними
травы сохнут,
А над ними
звезды меркнут.
А над ними
кружит
беркут
и качается
подсолнух.
И стоят над ними

сосны.
И пора приходит
 снегу.
И оранжевое солнце
разливается
по небу.
Время
 движется над ними...

Но когда-то,
но когда-то
кто-то в мире
 помнил
 имя
Неизвестного
солдата!
Ведь еще
 до самой смерти
он имел друзей
 немало.
Ведь еще
 живет на свете
очень старенькая
мама.
А еще была
 невеста.
Где она теперь —
невеста?..
Умирал солдат —
известным.
Умер —
Неизвестным.

5

Ой, зачем ты,
 солнце красное,
все уходишь —
не прощаешься?
Ой, зачем
 с войны безрадостной,
сын,
не возвращаешься?
Из беды
 тебя я выручу,

прилечу
 орлицей быстрою...
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Единственный...

Белый свет
 не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
 моя надежда!
Зернышко мое,
Зорюшка моя.
Горюшко мое,—
где ж ты?
Не могу найти дороженьки,
чтоб заплакать
 над могилою...
Не хочу я
ничегошеньки —
только сына
 милого.
За лесами моя ластынька!
За горами —
 за громадами...
Если выплаканы
глазыньки —
сердцем
 плачут матери.
Белый свет
 не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
 моя надежда!
Зернышко мое,
Зорюшка моя.
Горюшко мое,—
где ж ты?

6

Когда ты, грядущее?
 Скоро ли?
В ответ на какую

боль?..

Ты видишь:
самые гордые
вышли на встречу
с тобой.
Грозишь
частоколами надолб.
Пугаешь
угластыми кручами...
Но мы
поднимем себя
по канатам,
из собственных нервов
скрученных!
Вырастем.
Стерпим любые смешки.
И станем
больше
богов!..
И будут дети
лепить снежки
из кучевых
облаков.

7

Это песня
о солнечном свете,
это песня
о солнце в груди.
Это песня о юной планете,
у которой
все впереди!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся
павшим героям:
то, что отцы не допели,—
мы
допоем!
То, что отцы не построили,—
мы

построим!

Устремленные к солнцу побеги,
вам

до синих высот вырастать.

Мы —

рожденные песней победы —
начинаем

жить и мечтать!

Именем солнца,

именем Родины

клятву даем.

Именем жизни

клянемся

павшим героям:

то, что отцы не допели,—

мы

допоем!

То, что отцы не построили,—

мы

построим!

Торопитесь,

веселые весны!

Мы погибшим на смену
пришли.

Не гордитесь,

далекие звезды,—

ожидайте

гостей

с Земли!

Именем солнца,

именем Родины

клятву даем.

Именем жизни

клянемся

павшим героям:

то, что отцы не допели,—

мы

допоем!

То, что отцы не построили,—

мы

построим!

Слушайте!
Это мы
 говорим.
Мертвые.
Мы.
Слушайте!
Это мы
 говорим.
Оттуда.
Из тьмы.
Слушайте!
 Распахните глаза.
Слушайте до конца.
Это мы
 говорим,
мертвые.
Стучимся
 в ваши
 сердца...

Не пугайтесь!
Однажды
 мы вас потревожим во сне.
Над полями
 свои голоса пронесем в тишине.
Мы забыли,
 как пахнут цветы.
Как шумят тополя.
Мы и землю
 забыли.
Какой она стала,
 земля?
Как там птицы?
 Поют на земле
без нас?
Как черешни?
 Цветут на земле
без нас?
Как светлеет
 река?
И летят облака
над нами?
Без нас.

Мы забыли траву.
Мы забыли деревья давно.

Нам
шагать по земле
не дано.
Никогда не дано!
Никого не разбудит
оркестра
печальная
медь...

Только самое страшное,—
даже страшнее,
чем смерть:

знать,
что птицы
поют на земле
без нас!
Что черешни
цветут на земле
без нас!
Что светлеет
река.
И летят облака
над нами.
Без нас.

Продолжается жизнь.
И опять
начинается день.
Продолжается жизнь.
Приближается
время дождей.
Нарастающий ветер
колышет
большие хлеба.

Это —
ваша судьба.

Это —
общая наша
судьба...

Так же птицы
поют на земле
без нас.
И черешни
цветут на земле

без нас.
И светлеет
 река.
И летят облака
над нами.
Без нас...

9

Я
не смогу.
Я
не умру...

Если
умру —
стану
 травой.
Стану
 листвой.
Дымом костра.
Вешней землей.
Ранней звездой.

Стану волной,
пенной
 волной!
Сердце
 свое
вдаль
унесу.
Стану
 росой,
первой грозой,
смехом
 детей,
эхом
 в лесу...
Будут в степях
травы
шуметь.
Будет стучать
в берег
волна...

Только б
 допеть!
Только б
 успеть!
Только б
 испить
чашу
до дна!
Только б
 в ночи
пела
труба!

Только б
 в полях
зрели
хлеба!..
Дай мне
ясной жизни,
 судьба!
Дай мне
гордой смерти,
 судьба!

10

Помните!
Через века,
 через года,—
помните!
О тех,
кто уже не придет
 никогда,—
помните!

Не плачьте!
В горле
 сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
 павших
 будьте
 достойны!
Вечно
достойны!

Хлебом и песней,
Мечтой и стихами,
жизнью
 просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте
достойны!

Люди!
Покуда сердца
 стучатся,—
помните!
Какою
ценой
завоевано счастье,—
пожалуйста,
 помните!

Песню свою
 отправляя в полет,—
помните!
О тех,
кто уже никогда
 не споет,—
помните!

Детям своим
 расскажите о них,
чтоб
запомнили!
Детям
 детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
 бессмертной
 Земли
помните!
К мерцающим звездам
 ведя корабли,—
о погибших
помните!

Встречайте
 трепетную весну,
люди Земли.
Убейте
 войну,
прокляните
войну,
люди Земли!

Мечту пронесите
 через года
и жизнью
наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет
 никогда,—
заклинаю,—
помните!
1962

РЕКИ ИДУТ К ОКЕАНУ

Реки Сибири,
как всякие реки,
начинаются
 ручейками.
Начинаются весело,
скользкие камни
раскалывая,
 как орехи...
Шальные,
покрытые пеной сивой,—
реки
 ведут разговор...
Но вот наливаются
 синей
 силой
тугие мускулы
волн!
Реки —
 еще в становленье,
 в начале,
но гнева их

страшится тайга,—
они на глазах взрослеют,
плечами
расталкивая
берега.

Они
вырастают из берегов,
как дети
из старых рубах...
В песок не уйдя,
в горах не пропав,
несут
отражение облаков...

Смотрите:

им снова

малы

глубины!

Они нараспев
текут.

Они уже запросто

крутят

турбины.

Плоты на себе

волокут!

Ворчат

и закатом любуются медным,

а по ночам

замирают в дреме...

Становятся

с каждым пройденным

метром

старее

и умудренней.

Хотя еще могут,

взорвавшись мгновенно

и потемнев,

потом,

тряхнуть стариною!

Вздуться,

как вены,

перетянутые жгутом!

Но это —

минутная вспышка...

А после,
освободясь
 от невидимых пут,
они застывают
 в спокойной позе
и продолжают
путь.
То длинной равниной,
то лесом редким,—
уровневенные и достойные,—
реки —
 легенды,
реки —
 истории,
красавицы и кормилицы —
реки.
И солнце восходит.
И вянут туманы...

Свое отслужив,
отзвенев,
отказав,
реки
 подкатываются к океану,
как слезы
к глазам.
1961

РЕМОНТ ЧАСОВ

Сколько времени?
— Не знаю...
Что с часами?
— Непонятно...
То спешат они,
 показывая скорость не свою.
То, споткнувшись, останавливаются.
Только обоняньем
я примерно-приблизительное время узнаю...
Я сегодня подойду
 к одинокому еврею.
(Там на площади будочки выстроились в ряд.)
«Гражданин часовщик,
 почините мне время.

Что-то часики мои барахлят...»
Он, газету отложив,
на часы посмотрит внятно.
Покачает головою.
Снова глянет сверху вниз.
«Ай-яй-яй! —
 он мне скажет,—
Ай-яй-яй! Это ж надо!
До чего же вы, товарищ,
 довели механизм...
Может, это не нарочно.
Может, это вы нечаянно.
Для него — для механизма —
 абсолютно все равно!
Вы совсем не бережете ваше время,
 ваши часики.
Сколько лет вы их не чистили?
То-то и оно!..»
Разберет часы потом он,
 причитая очень грозно.
И закончит, подышав на треугольную печать:
«Судя по часам «Москва»,
вы уже довольно взрослый.
И пора уже
 за собственное время отвечать...»

Я скажу ему: «Спасибо!»
Выну пятьдесят копеек.
Тысяча семьсот шагов до знакомого двора.
И машины мне навстречу
 будут мчаться в брызгах пенных.
Будто это не машины.
Будто это глиссера.
Разлохмаченные листья прицепятся к ботинкам.
Станет улица качаться в неоновом огне...

А часы на руках будут тикать.
Тихо тикать.
И отсчитывать время,
предназначенное мне.

РОВЕСНИКАМ

Артуру Макарову

Знаешь, друг,
мы, наверно, с рожденья
такие...
Сто разлук нам пророчили
скорую гибель.
Сто смертей
усмехались беззубыми ртами.
Наши мамы
вестей
месяцами от нас ожидали...

Мы росли —
поколение
рвущихся плавать.
Мы пришли
в этот мир,
чтоб смеяться и плакать,
видеть смерть
и, в открытое море бросаясь,
песни петь,
целовать неприступных красавиц!
Мы пришли
быть,
где необходимо и трудно...
От земли
города поднимаются круто.
Век
суров.
Почерневшие реки
дымятся.
Свет костров
лег на жесткие щеки
румянцем...
Как всегда,
полночь смотрит
немыми глазами.
Поезда
отправляются по расписанью.
Мы ложимся спать.
Кров родительский
сдержанно хвалим.

Но
опять
уезжаем,
 летим,
 отплываем!
Двадцать раз за окном
зори
 алое знамя подымут...
Знаю я:
мы однажды уйдем
к тем,
которые сраму
 не имут.
Ничего
не сказав.
 Не успев попрощаться...
Что
 с того?
Все равно: это —
 слышишь ты?—
счастье.
Сеять хлеб
на равнинах,
 ветрами продутых...
Жить захлеб!
Это здорово кто-то придумал!

САУНА

Об испытаньях прежних
не вспоминай пока что...
Ты —
 в сауне.
Ты — грешник.
И потому —
покайся!
Вживайся оробело
в блаженство
 и мученье...
Но если это —
пекло,
куда девались
 черти?..

Жара,
жарынь,
жарища,
не утихая, стелется.
Она теперь
царица!
Она
всему
владелица!

Она
погодой вертит.
А здесь,
в горниле
сауны,
из флоры —
только веник,
и только я —
из фауны.
И не хватает воздуха.
И дышишь —
как воруешь.
Но — тут же надо —
в озеро!..

А сможешь?
А не струсил?..
Наверное,
умею.
Конечно же,
не струшу.
Сейчас я чуть помедлю
и выбегу
наружу!

Ведь мы, во всяком случае,
в своем существовании
и кипятками
варены!
И холодами
кручены!

Все в жизни
повторяется.

И в нас
уже
вколочено:
в холодное!
В горячее!
В горячее!
В холодное!
1964

СЛЕДЫ

Я люблю,
когда над городом —
снег,
неуверенно кружащийся,
ничей.
Неживой,
мохнатый,
медленный снег
одевает в горностаи
москвичей.
В горностаевом пальто
идет студент.
В горностаи
постовой разодет...
Я люблю смотреть
на белую рябь.
Фонари плывут над улицей —
горят.
Как наполненные пламенем
ноли,
по-домашнему
горят фонари.
Пухлый снег идет,
и я за ним
бегу.
Снег запутался в сплетенье кустов...

На снегу,
на очень тихом
снегу —
восклицательные знаки
следов!
1961

* * *

Слова бывают грустными,
слова бывают горькими.
Летят они по проводам
низинами,
пригорками.
В конвертах запечатанных
над шпалами стучат они,
над шпалами,
над кочками:
"Все кончено.
Все
кончено..."

* * *

Смеркается.
Пахнет леском перегретым...
Но я не об этом!
Совсем
не об этом.

Я знаю, как трудно рождается
слово.
Когда оно истинно.
И безусловно.
Прозрачно.
Пока что ни в чем не повинно.
А ты,
надрываясь, грызешь пуповину
и мечешься:
— Люди!
Вы слово
искали.
Берите!
Пока его не затаскали.
Скорее!
Пусть кто-нибудь станет
пророком...
Нависла жара над высоким порогом.

Кукушка старается:
чет или нечет.
У самого уха стрекочет кузнечик.
Шуршит муравейник.
Ворона фальшивит.
И стебель цветка под пчелою
пружинит.
Готовятся к полднику жители ясель.
Зеленою тучею кажется ясель.
Он что-то бормочет надменно
и глухо.
Он так величав,
что становится глупо
рядиться в пророка,
считаться поэтом...

Но я не об этом!
Совсем
не об этом.

СНЕГ (ЭТОЙ НОЧЬЮ...)

Этой ночью
первый снег летел в окно.
Этим утром
снег идти не перестал...
Так идет он, будто кто-то озорно,
как в бутылке,
все окрестности взболтал.
И не знает снег,
куда лететь ему,
где найти ему
местечко для жилья.
И забыл он, где земля,
зачем земля?
почему трава и зелень почему.
То идет он сверху вниз,
то снизу вверх —
озабоченный,
растерянный,
чудной...
Я прекрасно понимаю
первый снег,

потому что так же было и со мной.
Время встало.
А потом пошло назад!
Все часы на свете
 канули во тьму.
И забыл я, что сказать.
Зачем сказать.
Почему смеяться,
плакать почему.
Шла за осенью
 весна,
потом — зима.
Позабыл я все слова,
все имена.
Позабыл я даже то,
 как ты нужна,—
ты об этом мне напомнила
сама.
Очень гордая
 сама пришла ко мне,
равнодушие обидное стерпя.

На твоих ресницах
 тает первый снег...
Чтоб я делал,
если б не было тебя?!

ТАЕЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Не привез я
 таежных цветов —
извини.

Ты не верь,
если скажут, что плохи
 они.
Если кто-то соврет,
что об этом читал...

Просто,
 эти цветы
луговым
не чета!

В буреломах,
на кручах
пылают
жарки,
как закат,
как облитые кровью желтки.
Им не стать украшением
городского стола.

Не для них
отшлифованный блеск хрусталя.
Не для них!
И они не поймут никогда,
что вода из-под крана —
это тоже вода...

Ты попробуй сорви их!
Попробуй
сорви!
Ты их держишь,
и кажется,
руки
в крови!..
Но не бойся,
цветы к пиджаку приколи...

Только что это?
Видишь?
Лишившись земли,
той,
таежной,
неласковой,
гордой земли,
на которой они
на рассвете взошли,
на которой роса
и медвежьи следы,—
начинают
стремительно вянуть
цветы!

Сразу
гаснут они!
Тотчас
гибнут они!..
Не привез я
таежных цветов.

Извини.

ТВОРЧЕСТВО

Эрнсту Неизвестному

Как оживает камень?
Он сначала
не хочет верить
 в правоту резца..

Но постепенно
из сплошного чада
плывет лицо.
Верней —
 подобие лица.

Оно ничье.
Оно еще безгласно.
Оно еще
 почти не наяву.
Оно еще
безропотно согласно
принадлежать
 любому существу.
Ребенку,
 женщине,
 герою,
 старцу...

Твк оживает камень.
Он —
 в пути.
Лишь одного не хочет он:
остаться
таким, как был.
И дальше
 не идти...

Но вот уже
 с мгновением великим
решимость Человека
сплетена.
Но вот уже
 грудным, просящим криком
вся мастерская
до краев полна:

«Скорей!
Скорей, художник!
Что ж ты медлишь?
Ты не имеешь права
 не спешить!
Ты дашь мне жизнь!
Ты должен.
Ты сумеешь.
Я жить хочу!
Я начинаю жить.
Поверь в меня
 светло и одержимо.
Узнай!
Как почку майскую,
 раскрой.
Узнай меня!
Чтоб по гранитным жилам
пошла
 толчками
 каменная
 кровь...
Поверь в меня!..
Высокая,
живая,
по скошенной щеке
 течет слеза..
Смотри!
Скорей смотри!
Я открываю
печальные
 гранитные
 глаза.
Смотри:
я жду взаправдашнего
 ветра.
В меня уже вошла
 твоя весна!..»

А человек,
который создал
 это,—
стоит и курит
около окна.

1961

* * *

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так;
извините:
жил я впервые на этой земле.
Я ее только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...

Но ведь я не вернусь.

ТИШИНА

В траве — тишина,
Тишина
В траве — тишина,
в камыше — тишина,
в лесу — тишина.
Так тихо,
 что стыдно глаза распахнуть
 и на землю ступить.
Так тихо,
 что страшно.
Так тихо,
 что ноет спина.
Так тихо,
 что слово любое сказать —
 все равно что убить.
Визжащий,
 орущий,
 разболтанный мир
 заболел тишиной.
Лежит он —
спеленут крест-накрест
ее покрывалом тугим.
Так тихо,
 как будто все птицы
 покинули землю,
 одна за одной.

Как будто все люди
оставили землю
один за другим.
Как будто земля превратилась
в беззвучный
музей тишины.

Так тихо,
что музыку надо, как чье-то лицо,
вспоминать,

Так тихо,
что даже тишайшие мысли
далёко
слышны.

Так тихо,
что хочется заново
жизнь
начинать.

Так тихо...

* * *

Ты мне сказала:
«Ночью
Тебя я видела с другой!
Снилось:
на тонкой ноте
в печке гудел огонь.
Снилось, что пахло гарью.
Снилось, метель мела,
Снилось,
что та — другая —
тебя у метро ждала.
И это было началом
и приближеньем конца.
Я где-то ее встречала —
жаль, не помню лица.
Я даже тебя
не помню,
Помню,
что это — ты...
Медленно и небольно
падал снег с высоты,

Сугробы росли неизбежно
возле холодной скамьи.
Мне снилась
 твоя усмешка.
Снились слезы мои...
Другая
сидела рядом.
Были щеки бледны...
Если все это — неправда,
Зачем тогда снятся сны?!
Зачем мне —
скажи на милость —
знать запах
ее волос?..»

А мне ничего не снилось.
Мне просто
 не спалось...

УТРО

В. Соколову

Есть граница между ночью и утром,
между тьмой
 и зыбким рассветом,
между призрачной тишью
и мудрым
ветром...

Вот осинový лист трясется,
до прожилок за ночь промокнув.
Ждет,
 когда появится солнце...
В доме стали заметней окна.
Спит,
 раскинув улицы,
 город,
все в нем —
от проводов антенных
до замков,
 до афиш на стенах,—
все полно ожиданием:

скоро,
скоро!
 скоро!!—
вы слышите?—
 скоро
птицы грянут звонким обвалом,
растворятся,
сгинут туманы...
Темнота заползает
в подвалы,
в подворотни,
в пустые карманы,
наклоняется над часами,
смотрит выцветшими глазами
(ей уже не поможет это),—
и она говорит голосами
тех,
кто не переносит
света.
Говорит спокойно вначале,
а потом клопоча от гнева:
— Люди!
Что ж это?
Ведь при мне вы
тоже кое-что
 различали.
Шли,
 с моею правдой не ссорясь,
хоть и медленно,
 да осторожно...
Я темней становилась нарочно,
чтоб вас не мучила совесть,
чтобы вы не видели грязи,
чтобы вы себя
 не корили...
Разве было плохо вам?
Разве
вы об этом тогда
говорили?
Разве вы тогда понимали
в беспокойных красках рассвета?
Вы за солнце
 луну принимали.
Разве я
 виновата в этом?

Ночь, молчи!
Все равно не перекричать
разрастающейся вполнеба зари.
Замолчи!
Будет утро тебе отвечать.
Будет утро с тобой говорить.

Ты себя оставь
для своих льстецов,
а с такими советами к нам
не лезь —
человек погибает в конце концов,
если он скрывает
свою болезнь.
...Мы хотим оглядеться
и вспомнить теперь
тех,
кто песен своих не допел до утра...
Говоришь,
что грязь не видна при тебе?
Мы хотим ее видеть!
Ты слышишь?
Пора
знать,
в каких притаилась она углах,
в искаженные лица врагов взглянуть,
чтобы руки скрутить им!
Чтоб шеи свернуть!
...Зазвенели будильники на столах.
А за ними
нехотя, как всегда,
коридор наполняется скрипом дверей,
в трубах
с клекотом гулким проснулась вода.

С добрым утром!
Ты спишь еще?
Встань скорей!
Ты сегодня веселое платье надень.
Встань!
Я птицам петь для тебя велю.
Начинается день.
Начинается
день!

Я люблю это время.
Я
жизнь люблю!

* * *

Филологов не понимает физтех,-
Молчит в темноте.
Эти
 не понимают тех.
А этих —
 те.
Не понимает дочки своей
нервная мать.
Не знает, как и ответить ей
и что понимать.

Отец считает, что сыну к лицу
вовсе не то.
А сын не может сказать отцу:
«Выкинь пальто!..»
Не понимает внуков своих
заслуженный дед...

Для разговора глухонемых
нужен свет.

ХИРОСИМА

Город прославился так:
Вышел
 военный чудака,
старец
 с лицом молодым.
"Парни,-
сказал он,-
летим!
Мальчики,
 время пришло,
Дьявольски нам повезло!.."
В семь сорок девять утра

все было так, как вчера.
"Точка...-
вдохнул офицер,-
чистенько
вышли
на цель..."
В восемь двенадцать утра
сказано было:
"Пора!.."

В восемь пятнадцать,
над миром взлетев,
взвыл торжествующе
дымный клубок!
Солнце зажмурилось,
похолодев.
Вздروгнули оба:
и "боинг",
и бог!..

Штурман воскликнул:
"Ой, как красиво!.."

В эту секунду
в расплавленной мгле
рухнули
все представленья о зле.
Люди узнали,
что на Земле
есть Хиросима.
И нет Хиросимы.

* * *

Хотя б во сне давай увидимся с тобой.
Пусть хоть во сне
твой голос зазвучит...
В окно —
не то дождем,
не то крупой
с утра заладило.
И вот стучит, стучит...
Как ты необходима мне теперь!
Увидеть бы.
Запомнить все подряд...
За стенкою о чём-то говорят.

Не слышу.

Но, наверно,— о тебе!..

Наверное,

я у тебя в долгу,

любовь, наверно, плохо берегу:

хочу услышать голос —

не могу!

Лицо пытаюсь вспомнить —

не могу!..

...Давай увидимся с тобой хотя б во сне!

Ты только скажешь, как ты там.

И всё.

И я проснусь.

И легче станет мне...

Наверно, завтра

почта принесет

письмо твое.

А что мне делать с ним?

Ты слышишь?

Ты должна понять меня —

хоть авиа,

хоть самым скоростным,

а все равно пройдет четыре дня.

Четыре дня!

А что за эти дни

случилось —

разве в письмах я прочту?!

Как эхо от грозы, придут они...

Давай увидимся с тобой —

я очень жду —

хотя б

во сне!

А то я

не стерплю,

в ночь

выбегу

без шапки,

без пальто...

Увидимся давай с тобой,

а то...

А то тебя сильнее я люблю.

ЧЕЛОВЕК

Пугали богами.

А он говорил:

«Враки!»

Твердили:

«Держи себя в рамках...»

А он посмеивался.

И в небо глядел.

И шел по земле.

И осмеливался!

И рушились рамки!

И вновь воздвигались

рамки...

«Держи себя в рамках...»

А он отвечал дерзко!

«Держи себя в рамках...»

А он презирал страхи.

А он смеялся!

Ему было в рамках

тесно.

Во всех.

Даже в траурной

рамке.

* * *

Человеку надо мало:

чтоб искал

и находил.

Чтоб имелись для начала

Друг -

один

и враг -

один...

Человеку надо мало:

чтоб тропинка вдаль вела.

Чтоб жила на свете

мама.

Сколько нужно ей -
жила..

Человеку надо мало:
после грома -
тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь -
одну.
И смерть -
одну.
Утром свежую газету -
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю!
Только и всего.
И -
межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.
Это, в сущности,-
немного.
Это, в общем-то,- пустяк.
Невеликая награда.
Невысокий пьедестал.
Человеку
мало
надо.
Лишь бы дома кто-то
ждал.
1973

* * *

Этих снежинок
смесь.
Этого снега
прах.
Как запоздалая месть
летнему
буйству
трав.
Этих снежинок
явь,
призрачное

крыло.
Белого небытия
множественное число...
Этого снега
нрав.
Этого снега
боль:
в небе
 себя разъяв,
стать на земле
собой.
Этого снега
срок.
Этого снега
круг.
Странная мгла дорог,
понятая не вдруг.
Выученная
 наизусть,
начатая с азов,
этого снега
грусть.
Этого снега
зов.
Медленной чередой
падающие из тьмы
в жаждущую ладонь
прикосновенья
 зимы.

* * *

Я буквы выучил еще до школы,
и это было сладко и рискованно...
Но я любую книжную лавину
бесстрашно сокращал наполовину.
Природа
и другие «трали-вали»
меня совсем не интересовали.
Читал я от заката до рассвета,—
сюжета требовал от книг!
Сюжета!
И ничего не принимал взамен...

Стать грамотным
я так и не сумел.

* * *

Я верующим был.
Почти с рожденья
я верил с удивленным наслаждением
в счастливый свет
 домов многооконных...
Весь город был в портретах,
 как в иконах.
И крестные ходы —
 по-районно —
несли
свои хоругви и знамена...

А я писал, от радости шалея,
о том, как мудро смотрят с Мавзолея
на нас вожди «особого закала»
(Я мало знал.
И это помогало.)
Я усомниться в вере:
 не пытался.

Стихи прошли.
А стыд за них
 остался.

* * *

Я жизнь люблю
 безбожно!
Хоть знаю наперёд,
что
 рано или поздно
настанет
мой черёд.
Я упаду
 на камни
и, уходя

во тьму,
усталыми руками
землю
обниму...
Хочу,
 чтоб не поверили,
узнав,
 друзья мой.
Хочу,
 чтоб на мгновение
охрипли
соловьи!
Чтобы
 впадая в ярость,
весна
 по свету
 шла...
Хочу, чтоб ты
смеялась!
И счастлива
 была.

* * *

Я родился —
 нескладным и длинным —
в одну из душных ночей.
Грибные
 июньские ливни
звенели,
 как связки ключей.
Приоткрыли
 огромный мир они,
зайчиками
прошлись по стене...

«Ребенок
удивительно смирный...» —
врач сказал обо мне.
...А соседка
 достала карты,
и они сообщили,
 что

буду я
ни слишком богатым,
но очень спокойным зато.
Не пойду
 ни в какие бури,
неудачи
 смогу обойти
и что дальних дорог
не будет
на моем пути.
Что судьбою,
 мне богом данной
(на ладони
вся жизнь моя!),
познакомлюсь
 с бубновой дамой,
такой же смирной,
как я...

Было дождливо и рано.
Жить сто лет
 кукушка звала..

Но глупые карты
врали!
А за ними соседка
 врала!
Наврала она про дорогу,
наврала она про покой...
Карты врали!..
И слава богу,
слава людям,
 что я
 не такой!
Что по жилам
 бунтует сила,
недовольство собой
храня!
Слава жизни!
Большое спасибо
ей
за то, что мяла
 меня!
Наделила мечтой богатой,
опалила ветром сквозным,

не поверила
бабым картам,
а поверила
ливням
грибным!
1960

* * *

Булату Окуджаве

Я шагал по земле, было зябко в душе и окрест.
Я тащил на усталой спине свой единственный крест.
Было холодно так, что во рту замерзали слова.
И тогда я решил этот крест расколоть на дрова.
И разжег я костер на снегу.
И стоял.
И смотрел,
как мой крест одинокий удивленно и тихо горел...
А потом зашагал я опять среди черных полей.
Нет креста за спиной...

Без него мне
еще тяжелей.